

УДК 130.2 (045)

DOI: 10.26565/2306-6687-2019-59-03

РЕЧЬ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В АНТРОПОЛОГИИ ДИАЛОГА: ГОВОРИТЬ ВО ВРЕМЕНИ

Зиборова Дарья Анатольевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры теории культуры
и философии науки ХНУ им. В. Н. Каразина,
ziborova.daria@gmail.com,
ORCID 0000-0002-0997-9388

Статья посвящена экспликации антропологической концепции философии диалога, тесно связанной с теориями времени и речи. Исследуются философские концепции Мартина Бубера, Фердинанда Эбнера, Франца Розенцвейга и Ойгена Розеншток-Хюсси. В статье демонстрируется темпоральная акцентуация философии диалога, показано, что теория речи связана с категорией времени, и вместе они влияют на антропологическую концепцию диалогической философии. Слово и речь в философии диалога становятся не просто категориями поэтики, но антропологическими категориями, тесно связанными с понятиями свободы, становления личности, общения и ощущения субъективного времени.

Ключевые слова: темпоральность; диалог; субъективное время; общение; речь; поэтика.

Зіборова Дар'я Анатоліївна. МОВА І ТЕМПОРАЛЬНІСТЬ В АНТРОПОЛОГІЇ ДІАЛОГУ: ГОВОРИТИ У ЧАСІ

Стаття присвячена експлікації антропологічної концепції філософії діалогу. Досліджуються концепції філософів діалогу: «простора між нами» Мартіна Бубера, «пневматології» Фердинанда Ебнера, «мовного мислення» Франца Розенцвейга і «граматичного методу» Ойгена Розеншток-Хюссі. Показано, як змінюються уявлення про мову під впливом нової концепції спілкування. Мова набуває екзистенційного виміру, стає шляхом подолання самотності свідомості, та простором виникнення, існування та виявлення нових філософських сенсів. Пошук шляхів спілкування з іншим та усім світом взагалі, призводять до побудови нової концепції людини з оновленим уявленням про свободу та сенс буття. Філософія діалогу опонує моделі монологічного мислення, що змінює уявлення про підвалини антропології. Справжня глибина свідомості відкривається тільки у спілкуванні (за Ебнером), тому саме мова визначає екзистенцію; «нове мислення» Розенцвейга починається з усвідомленні первинності спілкування між людиною, Богом та світом; «граматичний метод» Розеншток-Хюссі дає змогу аналізу різних станів та проблем суспільства на підвалинах аналізу типів мови, діалогічне спілкування Бубера виходить за межі мови і стає певним станом свідомості. Таким чином свобода та становлення особистості стають пов'язані з її спілкуванням з іншими.

Показано, що на трансформації простору антропології впливають також уявлення про суб'єктивний час. У статті демонструється темпоральна акцентуація філософії діалогу, показано, що теорія мови пов'язана з категорією часу, і разом вони впливають на антропологічну концепцію діалогічного філософії. Філософія діалогу акцентує теперішній час, що пов'язаний зі спілкуванням, яке розгортається «тут і зараз». У статті показано, що минуле та майбутнє у філософії діалогу пов'язано з різними формами мови, різними типами спілкування. Слово і мова в філософії діалогу стають не просто категоріями поетики, але антропологічними категоріями, що впливають на зміну уявлень про свободу, становлення особистості, спілкування і відчуття суб'єктивного часу.

Ключові слова: темпоральність; діалог; суб'єктивне час; спілкування; мова; поетика.

Ziborova Daria, doctor of philosophy, associate professor of the department of cultural studies and philosophy of science, Kharkiv Karazin University. SPEECH AND TEMPORALITY IN THE ANTHROPOLOGY OF DIALOGUE: SPEAKING IN TIME

Annotation: The article concerns the explication of anthropological concept of the philosophy of dialogue. Concepts of philosophers of dialogue are explored: Martin Buber's "sphere of between", Ferdinand Ebner's

"pneumatology", Franz Rosenzweig's "linguistic thinking" and Eugen Rosenstock-Huessy "grammatical method". Changes in the perception of language under the influence of a new concept of communication are shown. Language acquires an existential dimension, becomes a way of overcoming the loneliness of consciousness, the space of the emergence, existence and manifestation of new philosophical meanings. Search for ways of communication with others and the world in general leads to the construction of a new concept of man with a renewed concept of freedom and the meaning of life. The philosophy of dialogue opposes the model of monological thinking, which changes the perception of the anthropological foundations. The true depth of consciousness opens only in communication (according to Ebner), therefore, it is the language which determines the existence; Rosenzweig's "new thinking" begins with the recognition of the primacy of communication between people, God and the world; Rosenstock-Huessy's "grammatical method" provides an opportunity to analyze various conditions and problems of society on the basis of analysis of types of speech; Buber's «dialogic communication» goes beyond the boundaries of language and becomes a definite state of consciousness. Thus, freedom and identity formation of an individual are related to the individual's communication with Others. It is also shown that anthropological space transformation is also influenced by the perception of subjective time. The article features temporal accentuation of philosophy of dialogue and states that the theory of language is associated with the category of time, while they both influence the anthropological concept of dialogical philosophy. The philosophy of dialogue emphasizes present time, which is connected with communication held "here and now". The article shows that the past and future in the philosophy of dialogue are connected with different forms of language, different types of communication. The word and language in the philosophy of dialogue become not just categories of poetics, but anthropological categories which influence changes of ideas about freedom, personality formation, communication and sense of subjective time.

Keywords: temporality; dialogue; subjective time; communication; speech and language; poetics.

Европейская философия, предшествующая философии диалога, построенная на «*cogito*» Декарта, реализует традицию монологизма, поскольку рефлексия, как разговор мыслящего с самим собой, не позволяет одинокому сознанию выйти в пространство интерсубъективности. Философы-диалогисты (М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер) строят свою философию на необходимости облечь мысль в слово, чтобы быть услышанными и вступить в диалог. Этот открывает их философии переход в «пространство языка», и ставит вопрос о Другом, к которому обращена речь.

Опираясь, прежде всего, на речь, а не на молчащее «*cogito*», диалогисты выстраивают парадигму нового мышления, выходящего за границы субъективности, в пространство, где самообоснования разума становится недостаточно. Бытие открывается как то, что происходит «*между*» Я и Ты и реализуется в отношении и языке. Этот подход разворачивает несколько возможностей «вписать» речь, слово в пространство не только поэтики, но и антропологии, гносеологии, онтологии и метафизики. В процессе экспликации идей диалогистов оказывается, что тема времени неразрывно связана с их основными идеями. Таким образом поэтика диалога выводит к вопросу о темпоральности, как важнейшей категории при построении любого рода антропологии.

Фердинанд Эбнер. Слово – свидетельство против одиночества

Австрийский мыслитель Фердинанд Эбнер, разработавший парадигму диалога раньше кого бы то ни было из диалогистов (по свидетельствам исследователей – в 1912 [4, 50]), видит подлинную экзистенцию Я не в его отнесенности к самому себе, а в его отношении к Ты. Я и Ты Эбнер называет духовными реальностями жизни. Отсюда и название, которое он дал своей философии – «пневматология», от слов дух и воздух, которые Эбнер видит как родственные понятия: Духом как воздухом человек дышит и пребывает в нем, даже не зная об этом. И подлинная глубина осознания этого пространства духа не монологична, а диалогична. Не существует одинокого Я самого по себе, его одиночество – это результат его отделения от Ты. «Я существует только в своем отношении к Ты» [7, 30]. Отсюда значение языка, как определяющего отношение, а, следовательно – экзистенцию.

Сущность языка – это слово, посредством которого совершается коммуникация между Я и Ты. Слово, с одной стороны, «предполагает отношение Я к Ты, а с другой – производит это отношение» [7, 32].

Не мышление первично, согласно Эбнеру, а язык, посредством которого возможно мышление. Человек укоренен в языке, ангажирован им, и только посредством его он может выйти

за свої предели. Язык не просто позволяет покинуть границы одинокого сознания, но и утвердить этическое измерение Ты.

В диалоге Я не является первым и основным лицом – оно пребывает в качестве окликнутого, отвечающего. Сам по себе человек не начинает говорить, слово – это свидетельство наличия Другого. Полнота мысли достигается только в проговаривании. Таким образом, отношение Я к Ты лежит в основании превращения мысли в слово или, в терминологии Эбнера – *словостановления* (Wortwerdung).

Слово противоречит одиночеству и свидетельствует против него. Главное назначение слова – это не сообщение какого-либо смысла, но открытие Я перед Ты. Это открытие предполагает не познание Ты, и не воздействие на него, но *создание отношения*, который не представляет собой некий изъятый из времени факт, но разворачивается во времени, предполагает время.

Облекая мысль в слово, человек изначально нацелен на духовную реальность, находящуюся вне его. Все духовное *в* человеке, по мысли Эбнера, конструируется по отношению к духовному *вне* его. Мысль, облаченная в слово, даже в полном одиночестве взывает к тому, кто мог бы ее услышать – так через слово формируется религиозное отношение.

В монологе слово постепенно утрачивает свой смысл, в диалоге оно «приходит к своему последнему и глубочайшему смыслу» [7, 2]. Слово, которое пытается держаться «объективности», отказываясь от обращения к Ты, отказывается от своего изначального духовного предназначения и происхождения, а, таким образом, и от своего смысла. Отношение между Я и Ты не находится в сфере объективного; субъективность, по Эбнеру, является подлинной сферой духовной жизни в человеке.

Погружаясь в свой внутренний мир, человек открывает, что весь он находится в *первоначальном* отношении к Ты, и исходит из этого отношения. И суть этого понимания удерживается и реализуется в языке.

Франц Розенцвейг. Диалог и «речевое мышление»

Франц Розенцвейг называет свою философскую систему «новым мышлением», которое должно прийти на смену «излюбленной интеллектуальной операции» нового времени: редукции всей реальности к мыслящему «Я» [5, 93]. Философ-диалогист выступает против сведения реальности к чему-то одному: в античной космологии – к миру, в средневековой – к Богу, в новое время – к человеку.

Розенцвейг предлагает повернуться лицом к экзистенциальному опыту: к сфере, где протекает реальная жизнь человека. В своем основном труде «Звезда избавления» философ выделяет три трансцендентальные идеи: Бог, мир и человек, которые мы обнаруживаем как априорные формы всякого опыта. Это своеобразные «непосредственные данные сознания». Реальность этих, абстрактных на первый взгляд, понятий обнаруживается посредством языка. Именно язык позволяет существовать и реализовываться этим категориям, которые в нашем опыте существуют не сами по себе, а связаны. И эта связь осуществляется через соединение бытия и времени.

Бог, мир и человек – это три первофеномена, существующие в виде чистых возможностей бытия. Для того, чтобы эта возможность стала действительностью, она должна реализоваться во времени. Временную ориентацию первофеномены получают в языке. Овладеть языком, означает соединить мышление и бытие, дать возможность абстрактным категориям мышления стать реальным бытием, развернуть их во времени.

Связь, соединяющая эти категории, – это *отношение*. Бог, мир и человек открываются во взаимоотношениях друг с другом в виде Творения, Откровения и Спасения, которым соответствуют три типа реализации в языке и три типа темпоральности. Сама связь между элементами конституируется как время. Творению – взаимоотношениям между богом и миром соответствует повествовательная история или рассказ, в котором говорится о прошлом. Следовательно, повествованию соответствует прошедшее время и память, как то, что может актуализировать акт прошлого в настоящем.

Откровению, как отношению Бога и человека, соответствует настоящее время, в котором повествовательная речь уступает место диалогу. Это время отношения, которое осуществляется всегда только как действительное, здесь и сейчас. Откровение у Розенцвейга есть то, что Хайдеггер позже назвал «экстазом настоящего».

Избавление – отношение между человеком и миром, обращено к будущему и здесь «торжествует язык хора» [5, 101], поскольку будущее связано с возможностью некой общности, способностью сказать «Мы». Это будущее открывается уже в настоящем, следовательно в откровении.

Основное значение автор «нового мышления» видел в настоящем времени диалога, который он противопоставлял чистому мышлению.

Чистое мышление находится вне времени, оно способно в мгновение устанавливать множество взаимоотношений между фактами, и не нуждается во времени, поскольку начало мысли – постановка вопроса, всегда как бы совпадает с ее концом – ответом. Для мышления время только априорная форма, тогда как мысль, выраженная в языке, нуждается во времени, и «новое мышление» Франца Розенцвейга это, собственно, *мышление во времени*.

Для реализации поставленной задачи философ предлагает метод «речевого мышления». Начало речи, направленной к Другому, не дает нам возможности догадаться о ее конце – это открытая структура, характеризующаяся постоянным *становлением* и свободой. Нельзя предсказать заранее, что ответит мне Другой – мы нуждаемся во времени, чтобы получить ответ. Новое речевое мышление, предложенное в «Звезде избавления», это мышление, движущееся во времени, темпорально развертывающееся. Его отличие от старого мышления не в том, что одно молчит, а другое говорит, ведь и «логическое» как называл его Розенцвейг, мышление не обходится без внутренней речи. Новое мышление возникает из потребности в Другом и во времени, поскольку мыслить здесь означает говорить. И если мыслить в парадигме старого, «логического» мышления возможно ни к кому не обращаясь, то в парадигме «грамматического» мышления, само мышление всегда направлено к кому-то другому. «Причем этот Другой (Jemand) – всегда совершенно определенный Другой, который в отличие от немого Всеобщего не только зритель, но и живой участник, способный ответить на равных» [5, 103]. Разговор – это реализация в языке интересубъективности, поскольку именно через разговор человек как самозамкнутая монада может стать способен к восприятию другого «Я» в качестве «Ты». «Диалог – это превращение двух (или больше) демонов-самостей в Я и Ты» [4, 35-1]. Другой возникает в мышлении через потребность во времени, через потребность в раскрытии, развертывании бытия.

Проблемы логики Аристотеля и Канта не устраняются в пределах «нового мышления», они сохраняют свое значение, но относятся к сфере «Оно», к сфере объектов, где отсутствует возможность диалогического отношения.

Другой возникает благодаря разворачиванию разговора, который возможен как ответ на призыв и открытие категории «между».

Ойген Розеншток-Хюсси. Диалог и «грамматический метод».

О Розеншток-Хюсси видел свою задачу в разработке нового метода в общественных науках, основанного на речи. Философ оппонирует методологической парадигме Декарта, чье «Cogito ergo sum» дало толчок эре естественных наук. Картезианский метод неприменим в сфере общественных наук, адекватный для них метод можно разработать, основываясь на живых формах человеческой речи.

Этот метод Розеншток-Хюсси назвал «грамматическим», он, по его мнению, в отличие от метода Декарта, приложим ко всей реальности. Картезианский метод входит в грамматический, оказываясь одним из его четырех элементов.

От всех философ-диалогистов Розенштока-Хюсси отличает, прежде всего, четкое обоснование речевого метода для анализа реальности. Его работа «Речь и действительность» явилась своеобразным «рассуждением о методе», а все прочие – реализацией этого метода, применением его к истории, психологии, социологии и теологии. Философ ставил перед собой задачу разработки метода, пригодного для интерпретации всего опыта человека, его цель – не разрозненное, а целостное, живое восприятие реальности.

Розеншток-Хюсси аргументирует, что человечество сформировано четырьмя типами речи, которые располагают, ориентируют его во времени и пространстве. Человек находится *здесь и теперь*, то есть в каком-то пространстве и времени. Он укоренен в настоящем, и именно это формирует ось времени, которая расходится от настоящего момента в прошлое и будущее – назад и вперед. Настоящее является подлинным источником времени, Розеншток-Хюсси в этом смысле возражает представителям гуманитарных наук, считающих, что время человечества направлено из

прошлого в будущее: «И точно так же ошибалось старшее поколение социологов, трактовавшее социальное время как прямую линию, направленную из прошлого через настоящее в будущее. Напротив, всякому живому существу, точно так же, как и общественной группе, приходится защищать свое настоящее, одновременно подвергаемое давлению со стороны прошлого и будущего» [6, 20].

Укоренение человека в «здесь и теперь» означает не только его размещение в двойственном времени, но и в двойственном пространстве, разделенном на *внутреннее* и *внешнее*. Человек расширяет свои границы: развертывает свое внутреннее пространство во внешний мир, сохраняет и продолжает прошлое, предвидит будущее и готовится к нему – и все это, будучи укорененным в настоящем, он совершает посредством языка.

Четырем направлениям «креста реальности», как назвал свою ось пространственно-временных координат Розеншток-Хюсси, – назад (прошлое), вперед (будущее), внутрь и вовне – соответствуют четыре типа речи. Именно человек, располагаясь в центре «креста», через речь и задает все четыре направления. «Говорением мы, ... укрепляем временную и пространственную оси нашей цивилизации, потому что занимаем место в ее центре» [6, 21].

Нахождение *здесь и теперь*, выражается в речи следующим образом: когда мы говорим с другими, мы тем самым, очерчиваем некое внутреннее пространство, *из* которого мы говорим, от внешнего, *с* которым мы говорим; и говорим мы *сейчас* – в промежутке времени между прошлым и будущим. Так, вокруг человека развертываются четыре оси пространства-времени, соответствующие четырем типам речи. Говорить – означает соединять все четыре направления «Креста реальности» воедино, обозначая точку «здесь и теперь», в которой находится человек.

Тип речи, отсылающий к прошлому, это речь повествовательная, рассказывающая о предыдущих событиях, формирующая дискурс истории. Этот тип речи укоренен, к примеру, в мифах, нацеленных на сохранение и продолжение опыта предков.

Речь, задающая будущее время, это императивная или пророческая речь. Она призывает человека осуществить свое предназначение. Этот тип речи характерен, к примеру, для пророчеств народа Израиля. Пророчество или императив призывают человека ответить на него и, таким образом, отвечая, человек открывает и осуществляет свое Я. С этим типом речи связана творческая реализация человека – как потребность найти адекватный ответ на первоначальный зов.

Так возникает и речевая форма *Мы*, созидаящая общность людей (от двух до множества), которые реализуют свой ответ на зов в своей собственной истории. К области будущего относится также тип речи, порождающий воспитание и образование.

Речь, так же формирует некое общее внутреннее пространство говорящих, в то время как внешнее пространство всегда связано с борьбой или конфликтом, а значит, с отсутствием адекватной речи для объяснения. Дискурс науки так же формируется отношением между человеком и окружающим его миром. Наука регистрирует и описывает факты, находясь всегда в некоем противостоянии с тем, что описывает. Философия же оборачивает человека к его субъективности, стимулирует его к познанию внутреннего пространства. Так разные типы речи проявляются в различных областях культуры, и становятся средством и условием культуротворчества.

Проводя социальный анализ посредством своего «грамматического метода», Розеншток-Хюсси, выделяет четыре основных проблемы любого общества, связанных с речью, и преодолеваемых с помощью речи. Это война, анархия, революция и упадок.

Война, – конфликт с внешним пространством, связана с нехваткой сил для организации взаимоотношений и поддержания границ между внешним и внутренним. Она преодолевается языком законодательства, устанавливающим правила и тем самым, восстанавливающим структуру взаимоотношений с внешним миром.

Анархия – проблемы внутреннего порядка, невозможность общения и объединения в обществе, связанные с отсутствием единодушия, диалога между разрозненными частями. Слова не имеют одинакового значения для всех, и это, одновременно, и вызывает распад общества, и свидетельствует о нем. Единодушие наиболее ярко выражается, согласно автору «Речи и действительности» в пении, когда многие голоса сливаются в одно, подвластные одной общей мелодии.

Анархия и война – бедствия социального порядка в пространстве. «Упадок и революция суть следствия социального времени, социальной эволюции во времени» [6,18]. Причины упадка,

прежде всего, в отсутствии веры в будущее, язык в этой ситуации обесценивается, слова лишаются своей силы убеждения. Будущее время связано в языке со способностью призывать, к каким-либо действиям и поступкам, вдохновлять следующее поколение, но, когда сила слов оказывается утраченной, это означает «неспособность дожить до будущего» [6, 15]. В обществе нарушаются механизмы передачи информации от старшего поколения к младшему. Единственное средство, которое может побороть это бедствие – это вера, которая всегда отсылает к будущему, направлена к нему.

Бедствие революции связано с отсутствием уважения к прошлому, нарушением механизмов сохранения прошлого. Революция всегда связана с построением нового миропорядка на руинах старого. Разрушение прошлого – это также и отмена старого языка, противостоять которым может лояльность, которая задается повествовательной речью, возвращающей в смысловое поле современности дискурс традиций прошлого.

Рассмотренные выше тезисы позволяют нам утверждать, что Розеншток-Хюсси расширяет функции речи в диалогической парадигме и выводит ее на уровень социально-общественной проблематики. Но, несмотря на расширение функций языка, в теории «креста реальности» акцентировано все так же настоящее время, из которого и «*временятся*» два других – прошлое и будущее – посредством речи. Расположение человека в центре «креста реальности», это помещение его в постоянно развертывающееся настоящее и точку пространства, в которой человек пребывает «теперь», то есть в данный, настоящий момент.

Мартин Бубер. Диалог за пределами речи

Бубер значительно расширяет понятие о диалоге, выходя за границы речи. Диалог, как разговор, сам по себе есть только элемент более широкого понятия «отношение». Бубер считает, что диалог между людьми может вестись не только посредством речи; сюда включена еще и невербальная информация – жесты, мимика, а также ситуация, в которой оказались собеседники, и которая так же является семиотическим пространством, порождающим смыслы. Но Диалог в понимании Бубера выходит и за пределы этих знаков. Сообщение, которое нам может передать Другой, может быть передано и в молчании, и без помощи каких-либо других знаков. «диалог между людьми, хотя обычно он находит свое выражение в звуке и слове, ... может, следовательно вестись и без знаков, правда, не в объективно постигаемой форме» [1, 96]. Содержание сообщения, передаваемое вне знаков, не может быть постигнуто объективным образом, но и не отсылает нас к чему-то мистическому, поскольку означает *пребывание* людей в общем времени события встречи.

Событие встречи, не находя выражения в языке или других знаках, посредством которых люди могут передавать сообщения, тем не менее является семиотически наполненным пространством, поскольку само присутствие Другого является и знаком, и призывом.

Диалог не ограничивается в концепции Бубера общением людей, он прежде всего задается *отношением*, которое может быть *выражено* в общении, но которое шире, чем общение. Но есть условие этого общения – «взаимная направленность внутреннего действия» [1, 99], диалог предполагает взаимность, как условие возможности общения, создающего пространство открытости между Я и Ты.

Подлинный диалог может быть выражен как в словах, так и в молчании. «...В этом диалоге каждый из его участников действительно имеет ввиду другого или других в их наличном и своеобразном бытии и обращается к ним, стремясь, чтобы между ним и ими установилось живое взаимодействие [1, 108]. Это живое взаимодействие оказывается шире, чем речь, а речь, в свою очередь – это то, что рождается из диалога, понятого как *отношение* Я к Ты. Описывая диалог, мы, тем самым, строим аналитику отношения, противоположную приобретению опыта, как аналитику речи. Общение шире чем речь и описывается через *открытость*, *взаимность*, *отношение*. Речевая практика вытекает из общения Я и Ты.

Первичность диалога понятого так широко, по отношению к речи можно проследить в философско-литературной практике Бубера, которая характеризуется фрагментарностью письма. Текст «Я и Ты» – это не последовательная линейная дискурсивность, а набор иногда несопоставимых по аналитике фрагментов, которые, хотя и образуют концептуальное единство, но тем не менее, являются самостоятельными фрагментами и могут восприниматься в этом качестве. Фрагменты, посвященные феноменологической аналитике отношения Я и Ты, соседствуют у Бубера с лирико-мистическими фрагментами, несводимыми к предыдущим и невыводимыми из

них. Этот своеобразный тип письма соответствует задаче Бубера – построению диалога, который шире, чем речь. Фрагменты, связанные единством – это разговоры, прерываемые молчанием, в общем пространстве Диалога.

Доказательством подобной фрагментарности письма служит и совершенно другая по стилю работа Бубера «Хасидские истории» [2], в которой собраны притчи о великих духовных учителях хасидизма – цадиках. Эти истории в основном существуют в устном предании, записав (и пересказав) их, Бубер выразил, по его мнению, глубинную сущность учения хасидизма, которая состоит в необходимости диалога, для осуществления творческого контакта между человеком, мирозданием и Богом. Такая интерпретация хасидизма Бубером не раз подвергалась критике, в особенности со стороны другого широко известного исследователя еврейской мистики Гершома Шолема, автора фундаментального труда «Основные направления в еврейской мистике». Шолем настаивал, что основная суть хасидизма состоит не в анекдотических историях об учителях, а в теоретическом теологическом учении. Бубера же интересовал уникальный опыт диалога, зафиксированный в хасидских преданиях. Для Бубера основным в учении хасидизма является непосредственное переживание в настоящем времени диалогической ситуации, в которой он видел подлинную религиозность хасидов, поэтому исследователь игнорировал историческое и теоретическое развитие этого духовного направления. Отвечая на критику Шолема, который считал, что основное значение в духовной практике хасидизма имеет постижение непреодолимой пропасти между человеком и Богом, Бубер настаивал, что его творческое прочтение хасидизма напротив, помогает современному человеку восстановить утраченный контакт с Богом, преодолев в диалоге разделяющую их пропасть [3].

«Хасидские истории» – это сборник коротких притчеобразных текстов, в которых основная смыслообразующая роль принадлежит прямой речи, молчанию и присутствию. Они, в интерпретации Бубера, не являются рассказами-свидетельствами о жизни праведников, а скорее, погружают нас в ситуацию непосредственного общения цадика с мирозданием, людьми и Богом, и тем самым, разворачивают в настоящем времени диалогическое пространство смысла, способствующее просветлению.

Таким образом, диалог, выраженный в письме, демонстрирует, что поэтика настоящего не разворачивается в непрерывную речевую практику, а представляет собой фрагментарность и прерывность. Диалог изначально задает рамку фрагмента, а не «потока сознания», характерного для монологизма. Молчание является своеобразной «рамкой» фрагмента, поскольку диалог, понятый широко как общение, не тождественен речи, а первичен по отношению к ней. Диалог не задает непрерывность и последовательность, он формирует текст не подчиненный правилам линейной композиции. Последовательность, логичность, то есть – дискурсивность, вторичны по отношению к диалогу. В «Хасидских историях» Бубер показывал, что хасиды предлагали, прежде всего, отношение с Богом как Я-Ты, и потому игнорировал их трактаты, задающие континуальную дискурсивность. Взяв для рассмотрения только притчи, а не целостное учение, Бубер демонстрирует антропологию отношения Я-Ты и укорененность человека в настоящем времени, развертывающемся как длительность. Таким образом, мы считаем, что фрагментарность является основным принципом поэтики Бубера. Речь – это фрагмент в континуальности отношения. Бубер ищет принцип поэтики, отражающий этот тезис, и в письме это выражается фрагментами, которые, прерываясь, демонстрирует, что существует нечто шире, чем речь. Так принцип *отношения* становится фрагментарностью как принципом поэтики. Внутри фрагмента разворачивается длительность настоящего времени, но сами фрагменты задают дискретность, свидетельствующие о первичности отношения перед речью. В свою очередь, переключки фрагментов между собой, несмотря на видимую дискретность диалога, задает общую континуальность отношения, как непрерывного общения Я и Ты за пределами вербального означивания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубер М. Диалог: Пер. с нем. М. И. Левиной // Бубер М. Два образа веры. – М. : Республика, 1995. С. 93 – 124.
2. Бубер М. Хасидские истории. Первые учителя: Пер. с нем. : М. Хорьков, Е. Балагушкин. – М. : Мосты культуры, 2006. – 524 с.

3. Идель М. Мартин Бубер и Гершом Шолем о хасидизме: критическое осмысление: Пер с англ. : Н. Э. Заболотной // Хасидские истории. Первые учителя. – М. : Мосты культуры, 2006. – С. 469 – 485.
4. Махлин В. Л. Я и Другой (истоки философии «диалога» XX века). – СПб. : Изд-во РХГИ, 1995. – 148 с.
5. Розенцвейг Ф. Новое мышление. Несколько дополнительных замечаний к «Звезде спасения»: Пер. с нем. В. Л. Махлина // Махлин В. Л. Я и Другой (истоки философии «диалога» XX века). – СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. – С. 93 –115.
6. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. Пер. с англ. А. Хараш. – М. : Лабиринт, 1994. – 212 с.
7. Эбнер Ф. Слово и духовные реальности // От Я к Другому: Сб. пер. по проблемам intersубъективности, коммуникации, диалога. – Мн. : Минск, 1997. – С. 28 – 44.

REFERENCES

1. Buber M. Hasidskiye istorii [Hasid Stories] / Moscow: Mosty kultury, 2006. – 524 p.
2. Makhlin V. L. Ya i drugoi (istoki filosofii “dialoga” XX veka) [I and the Other (Origins of the Philosophy of Dialogue in the XX c)] [In Russian] / St-Petersburg, RkhGI, 1995. – 148 p.
3. Rosenstock-Hussi O. Rech i deystvitelnost [Speech and Reality] [In Russian] / Moscow: Labirint, 1994. – 212 p.
4. Ebner F. Slovo i duhovnyie realnosti [Word and Spiritual Realities] [In Russian] / Ot Ya k Drugomu. Minsk: 1997. – p. 28-44.